

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ВОЛОДИНА ПРОТИВ РОССИИ» (№. 2)

(Жалоба № 40419/19)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 8 • Частная жизнь • Позитивные обязательства • Неспособность властей защитить жертву домашнего насилия от повторных актов кибернасилия и привлечь виновных к ответственности.
--

СТРАСБУРГ

14 сентября 2021 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ 14 декабря 2021 года

Это постановление окончательное. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле «Володина против России» (№ 2),

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседания Палатой в составе:

Paul Lemmens, *Председатель*,

Dmitry Dedov,

Georges Ravarani,

María Elósegui,

Darian Pavli,

Anja Seibert-Fohr,

Andreas Zünd, *судьи*,

and Milan Blaško, *секретарь*,

Принимая во внимание:

Жалобу (№ 40419/19) поданную против Российской Федерации в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) 19 июля 2019 г.;

Решение уведомить российские власти (далее – власти) о поданной жалобе, касающейся непринятия адекватных мер по пресечению онлайн-харассмента и объявить остальную часть жалобы неприемлемой;

Доводы сторон;

24 августа 2021 г. в закрытом заседании,

Вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ВВЕДЕНИЕ

1. Дело касается обязательства государства защищать заявительницу от актов кибернасилия, включая публикацию ее интимных фотографий без ее согласия, преследования и выдачу ее за другое лицо, а также провести эффективное расследование этих действий.

1. ФАКТЫ

2. Заявительница – Валерия Игоревна Володина, гражданка России, 1985 г. р., проживающая в России в неизвестном месте. В 2018 г., опасаясь за свою безопасность, она добилась юридического изменения имени (см. *Volodina v. Russia*, № 41261/17, § 39, 9 июля 2019 г.). Ее старое имя используется в постановлении для защиты ее безопасности. Интересы заявителя в Суде представляла Ванесса Коган, директор Stichting Justice Initiative, правозащитной организации, расположенной в Утрехте, Нидерланды.

3. Власти первоначально представлял г-н М. Гальперин, бывший Уполномоченный Российской Федерации в Европейском суде по правам человека, а затем его преемник на этом посту г-н М. Виноградов.

4. Обстоятельства дела, представленные сторонами, можно резюмировать следующим образом.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. В ноябре 2014 г. заявительница вступила в отношения с С., гражданином Азербайджана. После их разлуки в 2015 г. С. угрожал ей убийством или телесными повреждениями; он несколько раз похищал ее и нападал на нее. Подробнее см. *Volodina*, упомянутое выше, § 10–36.

6. В июне 2016 г. брат заявительницы сказал ей, что ее аккаунт в российской социальной сети «ВКонтакте» был взломан. Ее выдуманное имя было заменено настоящим именем; ее личные данные, фотография ее паспорта и ее интимные фотографии были загружены в аккаунт. Одноклассники ее двенадцатилетнего сына и его классный руководитель были добавлены в друзья. Заявительница попыталась войти в свою учетную запись, но обнаружила, что пароль был изменен.

7. 22 июня 2016 г. заявительница подала жалобу в полицию на нарушение ее права на неприкосновенность частной жизни. Полиция взяла показания брата заявительницы. Он сказал, что разговаривал с С. по телефону и что С. признался, что взломал электронную почту заявительницы и отправлял непристойные сообщения ее контактам. Он сделал это от отчаяния, потому что у него не было «иного способа вернуть [ее] назад». Утверждая, что не в состоянии найти С., 21 июля 2016 г. ульяновская полиция направила дело в полицию Краснодарского края, где С. был зарегистрирован. 29 августа 2016 г. полиция Краснодара отправила дело в Самарскую область, куда переехал С. 30 сентября 2016 г. полиция Самары вернула дело коллегам в Ульяновске.

8. 7 ноября 2016 г. ульяновская полиция отказалась возбуждать уголовное дело на том основании, что информация была опубликована в социальных сетях, а не в СМИ. Органы прокуратуры отменили это решение как незаконное, поскольку С. не был допрошен. 2 мая 2017 г. полиция вновь отказалась возбуждать уголовное дело, не обнаружив никаких указаний на то, что С. собирал или распространял информацию о частной жизни заявительницы. В решении указывалось, что не удалось найти С., у которого не было российского гражданства или доказательства проживания в России. 1 февраля 2018 г. надзирающие органы прокуратуры отменили это решение. Они постановили найти и допросить С., чтобы проверить его электронные устройства и записи его телефонных звонков заявительнице.

9. 6 марта 2018 г. ульяновская полиция возбудила уголовное дело по статье 137 Уголовного кодекса РФ. В течение следующих месяцев следователи полиции допросили заявительницу и С. сначала отдельно, а затем в ходе очной ставки с заявительницей, взяли показания членов семьи заявительницы, изъяли и исследовали их мобильные телефоны, получили журналы телефонных разговоров от операторов мобильной связи, получили информацию от компании, управляющей сайтом «ВКонтакте», и поговорили с экспертом по социальным сетям.

10. В феврале, марте и сентябре 2018 г. в ВКонтакте и Instagram появились новые поддельные профили на имя заявительницы. В профилях использовались ее интимные фотографии и личные данные.

11. 13 августа и 19 сентября 2018 г. заявительница жаловалась в полицию Ульяновска на то, что С. отправлял ей угрозы убийством через социальные сети и интернет-мессенджеры. Она приложила распечатки сообщений и попросила полицию возбудить уголовное дело по статье 119 Уголовного кодекса РФ (угрозы смертью или телесными повреждениями) и предоставить ей защиту. 3 января 2019 г. полиция отказала в возбуждении уголовного дела на том основании, что угрозы не были «реальными».

12. После вынесения судебных постановлений, запрещающих определенные действия (см. пункт 32), 28 сентября 2018 г. заявительница попросила следователя добиться постановления, которое не позволяло бы С. использовать Интернет и связываться с ней любыми способами, в том числе через социальные сети, электронную почту или интернет-мессенджеры, или обращение к ней или членам ее семьи. 18 октября 2018 г. следователь ответил, что, учитывая его независимость в разбирательстве, стороны не могут диктовать ему, какие действия необходимо предпринять. Он отказал ей в просьбе на том основании, что «меры пресечения могут применяться к подозреваемым только в исключительных обстоятельствах». Решением от 27 ноября 2018 г., оставленным без изменения в кассационной жалобе 21 января 2019 г., ульяновские суды отклонили жалобу заявительницы на постановление следователя на том основании, что она была подана компетентным должностным лицом в пределах его дискреционных полномочий.

13. 12 декабря 2018 г. заявительница подала жалобу в Кунцевский районный суд Москвы на то, что Кунцевский районный отдел полиции никоим образом не отреагировал на ее отчет об устройстве слежения, которое она нашла в своей сумке два года назад (см. *Volodina*, упомянутое выше, § 28–29). 26 декабря 2018 г. районный суд не усмотрел вины в действиях районной полиции, поскольку заместитель начальника направил отчет заявительницы в Бюро специальных технических мер вскоре после его получения. 28 февраля 2019 г. Московский городской суд в упрощенном порядке отклонил ее жалобу на решение районного суда.

14. 19 января 2019 г. полиция Ульяновска приостановила расследование фейковых профилей в социальных сетях. Было установлено, что в феврале и марте 2018 г. были созданы два фейковых профиля с использованием IP-адресов и телефонных номеров, зарегистрированных в Азербайджане. Согласно платежной информации с его телефонов и базе данных милиции в указанное время С. находился в Тамбовской области России. Следователи решили попросить своих азербайджанских коллег получить записи телефонных разговоров с азербайджанского номера.

15. Адвокат заявительницы обратился с ходатайством о судебном пересмотре постановлений следователей. Она жаловалась на то, что уголовное дело было возбуждено после двухлетнего периода бездействия после первого сообщения, что фальшивые профили, созданные в 2016 г., не были расследованы, что друзья и связи С. не были установлены или опрошены, что связь между С. и номером телефона в Азербайджане не была

оценена и что собранные доказательства не были предоставлены заявительнице.

16. 25 июня 2019 г. Заволжский районный суд Ульяновска отменил решение о приостановлении действия от 19 января 2019 г. как незаконное и преждевременное, поскольку в нем не установлен срок для получения ответа из Азербайджана. 19 августа 2019 г. Ульяновский областной суд отменил решение районного суда по жалобе заявительницы, которая была удовлетворена. Он постановил, что закон не требовал от следователя предоставлять заявительнице материалы дела до завершения расследования и что решение о приостановлении было законным, поскольку «следователь ... должным образом учел все обстоятельства», лежащие в основе этого решения.

17. 14 сентября 2019 г. Кунцевский районный отдел полиции Москвы отказал в возбуждении уголовного дела по факту следящего устройства. В решении перечислялись составные части преступления, предусмотренного статьей 137 Уголовного кодекса, и говорилось, что устройство было идентифицировано как GPS-трекер российского производства, который можно было купить на законных основаниях. Поскольку заявительница выбросила устройство и содержащуюся в нем SIM-карту, установить владельца было невозможно. Ее утверждение о том, что «никто, кроме [С.], не мог подбросить устройство», было домыслом, который нельзя было принять в качестве доказательства. Поскольку не было «объективных улик, вменяющих [С.]», уголовное дело против него не могло быть продолжено.

18. 20 октября 2019 г. был установлен и допрошен владелец зарегистрированного в Азербайджане телефонного номера, который использовался для создания фальшивых аккаунтов в социальных сетях. Заявительница не была проинформирована об этом. Об этом не упоминалось и в последующем постановлении следователя от 25 декабря 2019 г. о приостановлении уголовного дела в связи с невозможностью установить личность преступника.

19. 18 мая 2020 г. заявительница была допрошена о поддельных профилях, которые появились в 2018 г. в Instagram и ВКонтакте. Следователь спросил заявительницу, знает ли она определенных лиц в Азербайджане и согласна ли она пройти проверку на полиграфе. Она сказала, что не знает этих людей, и отказалась от тестирования.

20. 14 октября 2020 г. полиция Ульяновска закрыла уголовное дело по статье 137 Уголовного кодекса. В постановлении было установлено, что в феврале и марте 2018 г. С. создавал фальшивые профили в ВКонтакте от имени заявительницы и публиковал ее обнаженные фотографии без ее согласия. Опубликованные фотографии были обнаружены в его телефоне во время проверки. 13 октября 2020 г. С. подал ходатайство о прекращении производства по делу в связи с истечением срока давности. Ходатайство было удовлетворено: поскольку преступление по статье 137 УК РФ было менее тяжким, двухлетний срок давности истек в марте 2020 г.

21. О решении не было сообщено заявительнице или ее адвокату. 14 апреля 2021 г. ей стало известно о его существовании из Плана действий

Правительства, представленного в Кабинет Министров в рамках исполнения постановления по делу *Volodina*.

2. ПРИМЕНИМОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

22. В отчете 2015 г. Рабочей группы по гендерным вопросам Комиссии по широкополосной связи UNESCO-ITU для цифрового развития «Кибернасилие в отношении женщин и девочек: всемирный тревожный сигнал» отмечается, что «насилие в сети и офлайн, или «физическое» насилие против женщин и девочек и «кибернетическое» насилие, взаимосвязаны» и что «злоупотребления могут ограничиваться сетевыми технологиями или могут дополняться домогательством в автономном режиме, включая вандализм, телефонные звонки и физическое насилие» (VAWG – КИБЕРНАСИЛИЕ).

Формы кибернасилия подразделяются на шесть широких категорий, которые включают «взлом», «выдачу себя за другое лицо» (использование технологий для присвоения личности жертвы с целью ее смущения или стыда, например путем отправки оскорбительных электронных писем с учетной записи электронной почты жертвы), «слежка/отслеживание» (преследование и отслеживание действий жертвы в реальном времени; например отслеживание по GPS), «преследование/рассылка спама» (использование технологий для постоянного контакта, угроз и/или запугивания жертва), «вербовка» (вовлечение потенциальных жертв в ситуации насилия) и «злонамеренное распространение» (манипулирование и распространение клеветнических и незаконных материалов, связанных с жертвой; например угроза или утечка интимных фотографий/видео). Кроме того, некоторая терминология специфична для кибернасилия в отношении женщин: таким образом, «порно из мести» состоит из отдельного размещения в сети интимных фотографий другого человека с целью публично опозорить и унижить этого человека и даже нанести реальный ущерб, например увольнение с работы.

Пять характеристик, которые отличают кибернасилие, включают: «анонимность» (оскорбляющий человек может оставаться неизвестным жертве), «действие на расстоянии» (насилие может осуществляться без физического контакта и откуда угодно), «автоматизация» (оскорбительные действия с использованием технологий требуют меньше времени и усилий), «доступность» (разнообразие и доступность многих технологий делают их легкодоступными для преступников) и «широкое распространение и вечность» (тексты и изображения размножаются и существуют долго или бесконечно).

23. В докладе Специального докладчика Совета ООН по правам человека по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях, о насилии в отношении женщин и девочек в Интернете с точки зрения прав

человека (А / HRC / 38/47, 18 июня 2018 г.) говорится, что формы насилия в отношении женщин онлайн и через Интернет становятся все более распространенными, особенно с использованием социальных сетей и других технических приложений (пункт 12). Технологии превратили многие формы гендерного насилия в нечто, что может происходить на расстоянии, без физического контакта и за пределами границ. Все формы гендерного насилия в сети используются для слежки и нападения на женщин, а также для поддержания и укрепления патриархальных норм, ролей и структур, а также неравных властных отношений (пункт 30).

Насилие в отношении женщин в Интернете может проявляться в различных формах и с помощью различных средств, таких как доступ к их аккаунтам без согласия, использование, манипулирование, распространение или обмен личными данными, фотографиями или видео, включая изображения сексуального характера (пункт 34). Новым среди других форм насилия является «порнография из мести», заключающаяся в распространении в сети без согласия интимных изображений, полученных с согласия или без согласия, с целью пристыдить жертву или причинить ей вред (пункты 33 и 41).

Специальный докладчик сформулировал ряд рекомендаций для государств, в том числе рекомендации о том, что государства должны четко запретить и криминализировать насилие в отношении женщин в Интернете, в частности распространение без согласия интимных изображений и угрозу распространения таких изображений (пункт 101), и что государства должны разрешать жертвам получать судебные приказы о защите, чтобы их обидчики не размещали или делились интимными изображениями без их согласия (пункт 104).

2. СОВЕТ ЕВРОПЫ

24. Рабочая группа Комитета по Конвенции о киберпреступности по киберзапугиванию и другим формам онлайн-насилия, особенно в отношении женщин и детей, провела исследование кибернасилия и опубликовала свои выводы 9 июля 2018 г. Рабочая группа определила «кибернасилие» как «использование компьютерных систем для причинения, облегчения или угрозы насилием в отношении лиц, которое приводит или может привести к физическому, сексуальному, психологическому или экономическому ущербу или страданиям и может включать в себя эксплуатацию обстоятельств, характеристик или уязвимости человека» (пункт 2.1.1). Акты кибернасилия могут принимать самые разные формы: от нарушений конфиденциальности, таких как преследование, кража личных данных и выдача себя за другое лицо, до кибердомогательств, которые включают «порно из мести», и киберпреступлений (пункт 2.1.2). Что касается «порно из мести», исследование показало, что «это явление преимущественно вовлекает партнера в интимные отношения, распространяющего материал с

целью унижить или запугать жертву», и было признано преступлением в нескольких юрисдикциях (пункт 2.1.2.1).

Расследование и судебное преследование кибернасилия столкнулось со многими проблемами, включая ограниченную помощь со стороны правоохранительных органов: «Кибернасилие может включать методы, которые полиции особенно трудно расследовать, и жертвам может быть сказано (правильно или неправильно), что правоохранительные органы ничего не могут поделать. Как и любая другая форма насилия в отношении женщин, онлайн-насилие в отношении женщин часто игнорируется из-за недостаточной осведомленности и гендерного понимания насилия. Опыт жертв часто рассматривается как «инцидент», а не модели поведения, и жертвы обвиняются в насилии, с которым они сталкиваются» (пункт 2.3).

3. РОССИЯ

1. Защита частной жизни: гражданское право

25. Понятие «частная жизнь» охватывает «сферу человеческой жизни и деятельности, которая принадлежит конкретному лицу, касается исключительно этого человека и не подлежит общественному или государственному контролю, если это не противоречит закону» (решения Конституционного суда № 248-О от 9 июня 2005 г., № 158-О от 26 января 2010 г. и № 1253-О от 28 июня 2012 г.).

26. Статья 150 Гражданского кодекса («Нематериальные блага») предусматривает, что достоинство, честь, репутация, деловая репутация, личная жизнь и семейная тайна человека являются неотъемлемыми нематериальными активами. Суд может признать нарушение нематериальных активов лица и предотвратить действия, которые нарушают или угрожают нарушить их.

27. Статья 151 («Компенсация морального вреда») предусматривает, что лицо, ущемляющее чужие нематериальные активы, может быть обязано судом выплатить финансовую компенсацию за моральный вред.

28. Статья 152.1 («Охрана изображения гражданина») устанавливает, что изображение человека может быть опубликовано или использовано только с согласия соответствующего лица. Если изображение публикуется в Интернете без согласия, человек может потребовать, чтобы оно было удалено и больше не использовалось.

29. Статья 152.2 («Защита частной жизни гражданина») запрещает сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни человека, включая его или ее происхождение, место пребывания или проживания, частной или семейной жизни, без согласия заинтересованного лица.

2. Защита частной жизни: уголовное право

30. Статья 137 Уголовного кодекса («Нарушение неприкосновенности частной жизни») устанавливает, что незаконный сбор или распространение

информации о частной жизни лица, составляющей его или ее личную или семейную тайну, без согласия заинтересованного лица или иное распространение такой информации, информация в публичных выступлениях, в произведениях искусства, выставленных на всеобщее обозрение или в средствах массовой информации, является правонарушением, наказуемым штрафом или тюремным заключением на срок до двух лет.

31. Постановление Пленума Верховного суда России по судебному применению положений уголовного законодательства о защите конституционных прав и свобод (Постановление № 46 от 25 декабря 2018 г.) указывает, что для целей статьи 137 Уголовного кодекса: сбор информации о частной жизни человека следует понимать как незаконное получение информации любыми средствами, такими как наблюдение, прослушивание телефонных разговоров, опрос других лиц, в том числе с использованием аудио-, видео- и фотоаппаратуры, а также копирование, кража или иным образом приобретение документов. Распространение информации о частной жизни человека заключается в передаче или раскрытии ее одному или нескольким лицам устно, письменно или иным образом, в том числе посредством передачи материалов или публикации информации в сетях ИКТ, таких как Интернет.

3. Меры уголовного характера

32. В апреле 2018 г. новая мера пресечения в уголовном процессе в виде постановления суда, запрещающего определенные действия (запрет действий), была введена в статью 105.1 УПК. Суд может по заявлению следователя, ведущего дело, издать приказ, требующий от подозреваемого или обвиняемого в уголовном процессе явиться по вызову, воздержаться от определенных действий и соблюдать наложенные ограничения (часть 1). Исчерпывающий список типов поведения, которые могут быть ограничены, включает запрет покидать место проживания, запрет на посещение определенных мест или посещение определенных мероприятий, запрет на общение с определенными лицами и запрет на получение или отправку письма, использовать средства связи или Интернет (часть 6).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

33. Заявительница жаловалась в соответствии со Статьей 8 Конвенции на то, что российские власти не смогли защитить ее от повторных актов насилия в Интернете и тщательно и эффективно расследовать дело. Статья 8 гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной ... жизни ...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Приемлемость

1. Исчерпание внутренних средств правовой защиты

34. Правительство утверждало, что заявительница не воспользовалась гражданско-правовыми средствами правовой защиты, которые явно имели шансы на успех. Она могла подать гражданский иск в соответствии со статьями 150–151.2 Гражданского кодекса, чтобы удалить ее фотографии и фальшивые профили, предотвратить их дальнейшее использование и получить компенсацию морального вреда. Власти Российской Федерации поддержали свою позицию ссылкой на судебное решение (Красногорский районный суд г. Каменск-Уральска, 13 марта 2017 г., оставленное без изменения в кассационной жалобе Свердловского областного суда), согласно которому бывшему партнеру заявителя было предписано выплатить ей компенсацию за незаконное использование ее интимных фото. Он показал фотографии, сделанные во время их сожителства, ее нынешнему партнеру и ее свекрови. Суды взяли показания свидетелей и установили факты в соответствии с гражданскими стандартами доказывания. Они установили, что в рамках гражданского судопроизводства суды не связаны решением полиции об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению истца. В гражданском судопроизводстве преступник не пользовался презумпцией невиновности, и бремя доказывания было возложено в равной степени на обе стороны в зависимости от обстоятельств, которые они утверждали.

35. Заявительница не согласилась с тем, что гражданско-правовые средства правовой защиты давали достаточные шансы на успех в обстоятельствах ее дела. Ей не нужно было добиваться судебного постановления об удалении фотографий, поскольку платформы социальных сетей удалили поддельные профили, как только она сообщила о них. Для подачи гражданского иска с целью воспрепятствовать дальнейшему использованию ее фотографий и возмещения ущерба от нее потребовалось бы представить доказательства, подтверждающие, что С. был ответственен за создание поддельных профилей или воспользовался услугами кого-то, кто это сделал. Она не могла собрать эти доказательства в ситуации, когда следственным органам, обладающим всеми необходимыми полномочиями, включая доступ к телефонным реестрам, IP-адресам, данным геолокации и международное сотрудничество, не удалось установить лицо, ответственное за создание поддельных профилей и публикующее ее фотографии. Дело в суде Каменск-Уральска, на которое ссылались власти Российской Федерации, не касалось кибернасилия. Ответчик лично посетил сожителя

истца и тещу, чтобы показать им фотографии; он не отрицал, что сделал это, чтобы опорочить ее; ее партнер и свекровь были свидетелями его действий. Напротив, правонарушение в деле заявителя было совершено в киберпространстве, которое дает преступнику анонимность и возможность причинить вред через границы. Наконец, в отличие от дела в Каменск-Уральске, где милиция отказалась возбудить уголовное дело, в деле заявительницы уголовное дело было возбуждено, что дает ей основания полагать, что отдельный гражданский иск будет излишним, поскольку она сможет требовать возмещение ущерба в уголовном процессе.

36. Суд отмечает, что заявительница сообщила в полицию о поддельных профилях в социальных сетях и обнаружении устройства слежения в ее сумке (см. пункты 7 и 10 и дело *Volodina v. Russia*, № 41261/17, § 29, от 9 июля 2019 г.). Полиция согласилась возбудить уголовное дело по статье 137 Уголовного кодекса (см. пункты 9 и 17). Не утверждалось, что действия, на которые она жаловалась, выходили за рамки этого положения. Таким образом, она могла законно ожидать, что после рассмотрения дела следственные органы продолжат расследование, установят виновного и передадут дело в суд, что позволило бы ей составить гражданский иск и потребовать возмещения убытков от правонарушителя. Следовательно, Суд считает, что заявительница использовала средство правовой защиты, доступное ей в соответствии с национальным законодательством, которое было очевидно эффективным и давало разумные шансы на успех. Действительно, власти не утверждали, что обращение в полицию по этим вопросам не было эффективным средством правовой защиты. Что касается их довода о том, что ей также следовало возбудить гражданское разбирательство, Суд повторяет, что, даже если предположить, что гражданско-правовое средство правовой защиты могло быть эффективным, от заявительницы, использовавшей очевидно эффективное средство правовой защиты, нельзя требовать, чтобы она также использовала другие доступные средства правовой защиты (см. *Nicolae Virgiliu Tănase v. Romania* [GC], № 41720/13, § 177, 25 июня 2019 г., и, в похожей ситуации, *Buturugă v. Romania*, no. 56867/15, § 73, 11 February 2020). Отсюда следует, что возражение властей относительно предполагаемого неисчерпания внутренних средств правовой защиты должно быть отклонено.

2. “Жалоба, аналогичная уже поданной”

37. Власти утверждали, что жалоба на предполагаемое преследование заявителя с использованием устройства слежения уже была рассмотрена Судом в первом деле заявителя (они ссылались на дело *Volodina*, упомянутое выше, § 28–29).

38. Заявительница ответила, что, хотя устройство слежения действительно упоминалось в изложении фактов в первом решении, ее жалобы, касающиеся неэффективного расследования и судебного надзора, еще не рассматривались Судом.

39. Суд определил следующие критерии в отношении Статьи 35 § 2 (b) Конвенции, по которым жалоба может быть объявлена неприемлемой, если она «по существу аналогична делу, которое уже рассматривалось Судом ... и не содержит новой информации»: (I) жалоба считается «аналогичной ранее поданной», если стороны, жалобы и факты идентичны; (II) жалоба характеризуется изложенными в ней фактами, а не только правовыми основаниями или аргументами, на которые она опирается; и, (III) если заявитель представляет новую информацию, жалоба не будет по существу такой же, как предыдущая (см. *Kudeshkina v. Russia* (№ 2) (реш.), № 28727/11, § 68, 17 февраля 2015 г.).

40. Суд отмечает, что решения российских судов и следователей в отношении устройства слежения (см. пункты 13 и 17), которые он не имел возможности учесть при принятии решения по делу *Volodina*, представляют собой «соответствующую новую информацию» по смыслу третьего критерия выше. Соответственно, эта часть жалобы не может быть отклонена в соответствии со Статьей 35 § 2 (b) Конвенции.

3. Заключение

41. Суд считает, что жалоба не является ни явно необоснованной, ни неприемлемой по каким-либо другим основаниям, перечисленным в Статье 35 Конвенции. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

(а) Заявитель

42. Заявительница утверждала, что она была жертвой неоднократных актов насилия в Интернете, включая порно из мести, кибердомогательства и киберпреследование. Российские власти не выполнили свои позитивные обязательства в соответствии со Статьей 8 Конвенции по обеспечению уважения ее частной жизни путем обеспечения эффективной защиты от насилия в Интернете, предотвращения дальнейшего насилия в Интернете и проведения эффективного расследования. По ее мнению, адекватная правовая база для защиты от онлайн-насилия должна включать: (1) криминализацию онлайн-насилия и признание того, что онлайн-насилие является формой насилия в отношении женщин, (2) возможность для жертвы обратиться за защитным судебным приказом, (3) сервисы по защите жертв (например телефоны доверия), (4) специализированные тренинги и протоколы для сотрудников правоохранительных органов. Хотя многие государства обновили свою существующую правовую базу или приняли конкретные законы, направленные на борьбу с онлайн-преследованием, онлайн-домогательствами и несогласованным обменом интимными изображениями, Россия не создала целостную правовую базу, карающую все формы домашнего насилия, включая те, которые совершаются в киберпространстве.

43. В отличие от большинства государств-членов Совета Европы российское законодательство не предусматривает судебных приказов о защите жертв домашнего насилия, будь то офлайн или онлайн. Суд может применить новую меру пресечения в соответствии со статьей 105.1 Уголовно-процессуального кодекса по ходатайству следователя; решение о подаче ходатайства в суд остается на усмотрение следователя. В случае заявительницы следователь отказался подавать ходатайство, даже не оценив ее аргументы. Это положение российского законодательства неэффективно и недостаточно для защиты жертв домашнего насилия. Ни один сотрудник полиции или следственной группы, к которому она обращалась, не имел какой-либо специальной подготовки или квалификации для рассмотрения дел о домашнем насилии. Они не проводили гендерно-чувствительную оценку рисков в ее ситуации, не предлагали какие-либо меры защиты и не объясняли ее права и возможности для обеспечения безопасности. Власти рассматривали кибернасилие и контролирующее поведение как тривиальные дела, не заслуживающие их вмешательства.

44. Расследование распространения интимных фотографий заявительницы было намеренно отложено; уголовное дело было возбуждено только в марте 2018 г., то есть через два года после первой жалобы на порно из мести в 2016 г. Если бы власти не знали о местонахождении С., они могли бы начать его розыск, но не сделали этого. В августе 2016 г. он был допрошен полицией в связи с покушением на заявительницу. Тот факт, что власти не допрашивали его о фальшивых аккаунтах, свидетельствует о том, что они не считали эти действия частью одной и той же модели домашнего насилия, отказываясь установить связь между ними и не признавая различные формы, которые может принимать домашнее насилие. Только в 2018 г. власти впервые допросили С. и обратились в сеть «ВКонтакте» с просьбой установить интернет-адреса, с которых были созданы поддельные профили. Запрос на предоставление информации о владельце страницы в Instagram не поступал. Заявительницу впервые попросили дать показания о фальшивых аккаунтах в Instagram в мае 2018 г., то есть более чем через два года после ее жалобы. После того как власти установили, что номер телефона в Азербайджане, который использовался для создания двух фальшивых профилей в 2018 г., принадлежал Г., они не объявили его подозреваемым, не установили его связь с С. и не расследовали, как он получил фотографии заявительницы или ее личные данные, и его мотивы для создания фальшивых профилей. Власти не проинформировали заявительницу о ходе расследования и не предоставили ей доступ к материалам дела. Точно так же расследование в отношении устройства слежения было завершено через три года после ее жалобы. Эти элементы указывали на то, что власти в принципе не были готовы привлекать к ответственности кого-либо за кибернасилие, жертвой которого она стала.

(b) Правительство государства-ответчика

45. Власти Российской Федерации утверждали, что российское законодательство обеспечивает достаточную защиту от вмешательства в частную жизнь человека, включая публикацию изображения человека без согласия. Наряду с уголовно-правовой защитой, предусмотренной статьей 137 Уголовного кодекса, существуют механизмы гражданского права, предлагающие компенсацию за уже имевшие место нарушения, предотвращающие повторение оскорбительного поведения и последующую ответственность виновных. Пострадавшее лицо может обратиться в суд с просьбой признать нарушение его или ее прав, потребовать удаления и прекращения использования любого незаконно полученного контента, потребовать компенсацию морального вреда (статьи 150, 151.1 и 152.2 Гражданского кодекса), а также использовать средства правовой защиты, доступные в соответствии с законодательством о защите персональных данных. Соответственно, российское законодательство в той мере, в какой оно имело отношение к обстоятельствам жалобы заявительницы, было достаточным по своему объему для выполнения позитивного обязательства государства по Статье 8 по обеспечению заявительницы защиты от домогательств в Интернете.

46. Что касается эффективности расследования, Правительство подчеркнуло, что не было абсолютного права добиться судебного преследования или осуждения какого-либо конкретного лица при условии, что не было виновных отказов в привлечении к ответственности виновных в совершении уголовных преступлений. В 2016 г. полиция в Ульяновске зарегистрировала заявление заявительницы и провела первичную проверку информации. Местонахождение С. не было сразу установлено, и не имелось возможности провести его допрос. В 2018 г. было возбуждено уголовное дело, и С. должен был подписать подписку о явке. В ходе расследования были получены показания заявительницы, членов ее семьи и С., а также данные от поставщиков телефонных услуг и социальных сетей. Тем не менее доказательств в поддержку утверждения заявительницы о том, что преступником был С., было недостаточно. Она продолжала разговаривать с ним через социальные сети и просить у него денег, что, по мнению властей Российской Федерации, свидетельствовало о том, что их отношения «не были такими простыми, как описала [их] заявительница». В этих обстоятельствах более ограничительная мера, такая как приказ о запрете определенного поведения, не может применяться. Российские суды оставили в силе постановление следователя об отказе в применении меры по двум инстанциям. Дальнейший значительный прогресс в расследовании был достигнут в 2019 г., когда российские следователи получили информацию от своих коллег в Азербайджане. На протяжении расследования власти держали заявительницу в курсе своих действий.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

47. Суд повторяет, что понятие частной жизни включает физическую и психологическую неприкосновенность человека, которую государства обязаны защищать, даже если опасность исходит от частных лиц (см. *Söderman v. Sweden* [GC], no. 5786/08, § 78–80, ECHR 2013, and also *X and Y v. the Netherlands*, 26 March 1985, § 23, Series A no. 91; *M.C. v. Bulgaria*, no. 39272/98, § 150, ECHR 2003XII; *A. v. Croatia*, no. 55164/08, § 59–60, 14 October 2010; and *Eremia v. the Republic of Moldova*, no. 3564/11, § 72–73, 28 May 2013). В частности, дети и другие уязвимые лица имеют право на эффективную защиту. Особая уязвимость жертв домашнего насилия и необходимость активного участия государства в их защите подчеркиваются как в международных документах, так и в устоявшейся прецедентной практике Суда (см. *Bevacqua and S. v. Bulgaria*, no. 71127/01, § 65, 12 June 2008; *Hajduová v. Slovakia*, no. 2660/03, § 41, 30 November 2010; and *Volodina*, cited above, § 72).

48. Акты кибернасилия, киберпреследований и злонамеренной выдачи себя за другое лицо были классифицированы как формы насилия в отношении женщин и детей, способные подорвать их физическую и психологическую неприкосновенность ввиду их уязвимости (см. 20, 23 и 24 и постановление по делу *K.U. v. Finland*, no. 2872/02, § 41, ECHR 2008). Суд недавно указал, что «киберпреследование в настоящее время признано одним из аспектов насилия в отношении женщин и девочек и может принимать различные формы, такие как кибернарушения частной жизни ... и получение, обмен и обработка информации и изображений, в том числе интимные» (см. *Buturugă*, упомянутое выше, § 74). В контексте домашнего насилия интимные партнеры часто являются вероятными виновниками актов киберпреследования или слежки (см. пункт 20).

49. Насилие в Интернете, или кибернасилие, тесно связано с насилием в автономном режиме, или «реальным» насилием, и может рассматриваться как еще один аспект сложного явления домашнего насилия (см. *Buturugă*, упомянутое выше, § 74 и 78, и пункт 20). Государства несут позитивное обязательство по созданию и эффективному применению системы наказания за все формы домашнего насилия и обеспечению достаточных гарантий для жертв (см. *Opuz v. Turkey*, no. 33401/02, § 145, ECHR 2009, and *Bălșan v. Romania*, no. 49645/09, § 57, 23 May 2017). Позитивное обязательство применяется ко всем формам домашнего насилия, независимо от того, происходит ли оно офлайн или онлайн. Суд установил, что это позитивное обязательство – в некоторых случаях по Статьям 2 или 3 и в других случаях по Статье 8, взятых отдельно или в сочетании со Статьей 3 Конвенции, – включает, в частности: (а) обязательство устанавливать и применять в применять адекватную правовую базу, обеспечивающую защиту от насилия со стороны частных лиц; (b) обязательство принимать разумные меры для предотвращения реального и непосредственного риска повторения насилия, о котором власти знали или должны были знать, и (c) обязательство

проводить эффективное расследование актов насилия (см. *Kurt v. Austria* [GC], no. 62903/15, § 164, 15 June 2021, and also *Bevacqua and S.*, § 65; *Eremia*, § 75; *Volodina*, § 76–77 and 86, and *Buturugã*, § 60–62, все упомянуты выше). Суд повторяет, что позитивные обязательства государства по Статье 8 по защите физической или психологической неприкосновенности могут распространяться на вопросы, касающиеся эффективности уголовного расследования, даже если уголовная ответственность представителей государства не является предметом спора (см. *K.U. v. Finland*, § 46, and *Söderman*, § 84, оба упомянуты выше).

(b) Применение указанных принципов к данному делу

50. В отношении применимости Статьи 8 к настоящему делу нет споров: Суд установил в своем первом постановлении, что публикация интимных фотографий заявительницы «подорвала ее достоинство, передавая посыл унижения и неуважения» (см. *Volodina*, упомянутое выше, § 75). Публикация без согласия ее интимных фотографий, создание фальшивых профилей в социальных сетях, которые якобы выдавали себя за нее, и ее отслеживание с использованием устройства GPS мешали ей получать удовольствие от личной жизни, вызывая у нее беспокойство и страдания, чувство незащищенности. Соответственно, необходимо определить, выполнили ли власти, узнав о вмешательстве в права заявительницы, предусмотренные Статьей 8 Конвенции, свои обязательства по этому положению, чтобы принять достаточные меры, чтобы положить конец этому вмешательству и предотвратить его повторяющиеся (см. *Eremia*, упомянуто выше, § 75).

51. Суд сначала рассмотрит, создало ли государство-ответчик адекватную правовую основу, обеспечивающую заявительнице защиту от актов кибернасилия (см. *Söderman*, упомянутое выше, § 89–91). Он повторяет, что в отношении действий, посягающих на психологическую неприкосновенность человека, обязательство по созданию адекватной правовой базы не всегда требует принятия положения уголовного права, регулирующего конкретное деяние. Правовая база также может состоять из гражданско-правовых средств правовой защиты, способных обеспечить достаточную защиту, возможно, в сочетании с процессуальными средствами, такими как вынесение судебного запрета (там же, § 85 и 108, с дальнейшими ссылками).

52. Российское законодательство содержит как гражданско-правовые механизмы, так и положения уголовного права о защите частной жизни человека. Определение «частной жизни», закрепленное в устоявшейся прецедентной практике Конституционного суда (см. пункт 25), является достаточно широким, чтобы охватывать множество аспектов физической и социальной идентичности человека и различные ее элементы, такие как личность человека, имя, изображение и личные данные (сравните с постановлениями по делам *S. and Marper v. the United Kingdom* [GC], nos. 30562/04 and 30566/04, § 66, ECHR 2008).

53. Гражданский кодекс в целом запрещает сбор, хранение, использование или разглашение любой информации, относящейся к частной жизни, без согласия соответствующего лица. Он также конкретно устанавливает защиту от несанкционированного использования или публикации изображения человека (см. пункты 28 и 29). Нарушения могут повлечь судебный запрет и гражданскую ответственность (см. пункты 26 и 27).

54. Более серьезные случаи вмешательства в частную жизнь человека могут повлечь за собой уголовную ответственность. Статья 137 Уголовного кодекса квалифицирует как преступление сбор или распространение информации, касающейся частной жизни человека, без согласия заинтересованного лица (см. пункт 30). Обязательное толкование Верховного суда подтвердило применение этого положения ко всем средствам, с помощью которых может быть получена информация, включая различные формы наблюдения с использованием и без использования технического оборудования (см. пункт 31).

55. Заявительница находит ошибку в вышеупомянутых положениях в том, что они не являются частью целостной системы наказания за все формы домашнего насилия и не нацелены прямо на его проявления в киберпространстве, такие как онлайн-преследование или выдача себя за другое лицо. Для Суда ее критика является частью более широкого вопроса о том, приняло ли Российское государство закон о криминализации актов домашнего насилия, независимо от того, имеют ли они место офлайн или онлайн. Суд подробно изучил этот вопрос в первом деле *Volodina* и пришел к выводу, что существующая российская правовая база была несовершенной по ряду важных аспектов и не соответствовала требованиям, заложенным в позитивном обязательстве государства по созданию и эффективному применению системы наказания за все формы домашнего насилия (см. *Volodina*, упомянутое выше, § 80–85). Нет необходимости возвращаться к этому общему выводу в настоящем деле, в котором объем расследования Суда более ограничен. Ему необходимо не рассматривать какие-либо предполагаемые недостатки законодательства о частной жизни *in abstracto*, а, скорее, определить, повлекло ли его применение в обстоятельствах дела заявителя нарушение Конвенции (см. *Roman Zakharov v. Russia* [БП], № 47143/06, § 164, ECHR 2015).

56. Заявительница жаловалась на то, что ее имя, личные данные и фотографии использовались для создания фальшивых профилей в социальных сетях, что для отслеживания ее перемещений был установлен GPS-трекер и что ей угрожали смертью через сообщения, рассылаемые через социальные сети (см. пункты 6, 10, 11 и 13). Власти признали, что эти действия представляют собой необходимые элементы уголовного преследования в соответствии с российским законодательством. Сбор информации о местонахождении заявительницы и распространение ее изображений и личных данных в сетях информационно-коммуникационных технологий свидетельствует о серьезном вмешательстве в ее личную жизнь, наказуемом в соответствии со статьей 137 Уголовного кодекса, в то время

как угрозы смертью подлежали судебному преследованию в соответствии со статьей 119 УК РФ, независимо от способа общения – офлайн или онлайн. В свете свободы усмотрения государства при выборе правовых средств для обеспечения соблюдения Конвенции Суд считает, что существующая структура предоставила российским властям правовые инструменты для расследования актов кибернасилия, жертвой которых стала заявительница.

57. Суд считает, что акты кибернасилия в настоящем деле были достаточно серьезными, чтобы требовать уголовно-правового преследования со стороны властей. Публикация интимных фотографий заявительницы, рассчитанная на то, чтобы привлечь внимание ее сына, его одноклассников и их учителя (см. пункт 6), имела целью унижить ее. Как отмечалось, отслеживание ее перемещений с помощью устройства GPS и рассылка угроз в социальных сетях вызвали у нее беспокойство и незащищенность. Суд также повторяет, что как общественные интересы, так и интересы защиты уязвимых жертв от правонарушений, посягающих на их физическую или психологическую неприкосновенность, требуют наличия средства правовой защиты, позволяющего установить преступника и привлечь его к ответственности (см. *KU v. Finland*, упомянутое выше, § 47, и *Volodina*, упомянутое выше, § 100). Гражданское разбирательство, которое могло бы быть подходящим средством правовой защиты в ситуациях меньшей тяжести, не могло бы достичь этих целей в настоящем деле.

58. Суд также повторяет, что государственные органы несут ответственность за обеспечение адекватных мер защиты жертвам домашнего насилия в форме эффективного сдерживания серьезных нарушений их физической и психологической неприкосновенности (см. *Opuz*, упомянутое выше, § 176, и *Volodina*, упомянутое выше, § 86). В то время как в подавляющем большинстве государств – членов Совета Европы жертвы домашнего насилия могут обращаться за немедленными «ограничительными» или «защитными» судебными приказами, способными предотвратить повторение домашнего насилия, Россия остается в числе немногих государств-членов, национальное законодательство которых не соответствует требованиям о надлежащей защите жертв домашнего насилия (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу *Volodina*, § 88–89). Власти не указали никаких эффективных средств правовой защиты, которые могли бы использовать для обеспечения защиты заявительницы от повторяющихся актов кибернасилия. Механизм гражданского права не включает строгий контроль за соблюдением правонарушителем условий судебного запрета, способного обеспечить безопасность жертвы от риска повторных злоупотреблений (там же, § 89).

59. Что касается постановлений, запрещающих определенное поведение (см. пункт 32), Суд не может прийти к выводу, что они обеспечивают достаточную защиту жертвам домашнего насилия в ситуации заявителя. Приказ представляет собой меру пресечения, ограниченную сферой уголовного права, наличие которой зависит от наличия уголовного дела. Однако, как отмечалось, национальные власти могут отложить или отказать в возбуждении уголовного дела, в том числе в отношении серьезных

инцидентов, таких как угрозы смертью, злонамеренное выдвижение себя за другое лицо или преследование с использованием устройства слежения. Более того, также трудно ожидать, что такие приказы могут быть отданы на практике срочно, что часто имеет большое значение в ситуациях домашнего насилия. Ходатайство о вынесении постановления также зависит от процессуального статуса преступника: до тех пор, пока следствие не соберет доказательства для предъявления обвинения преступнику, мера пресечения может быть применена к подозреваемому только в «исключительных обстоятельствах» (см. *Бирюлев и Шишкин против России*, № 35919/05 и 3346/06, § 33, 14 июня 2016 г.). Поскольку дело против С. не продвинулось дальше стадии подозрения, недостатки предыдущего расследования отрицательно повлияли на шансы заявительницы на применение к нему этой меры.

60. Еще более важно то, что приказ, запрещающий определенное поведение, напрямую недоступен для жертвы, которая должна обратиться к следователю с ходатайством о подаче соответствующего заявления в суд. У следователя есть полное право удовлетворить или отклонить ходатайство. Отказ следователя подлежит судебному пересмотру, о чем заявительница безуспешно ходатайствовала (см. пункт 12). Однако ульяновские суды не провели независимую проверку существенных оснований для отказа, ограничившись выводом о том, что следователь не вышел за пределы своих полномочий (сравните с *Ляпин против России*, № 46956/09, § 138, 24 июля 2014 г.).

61. Суд установил в первом деле *Volodina*, что реакция российских властей на известный риск повторения насилия со стороны бывшего партнера заявительницы была явно неадекватной и что из-за их бездействия и неприятия мер сдерживания они позволили С. продолжать беспрепятственно и безнаказанно угрожать, преследовать и нападать на заявительницу (см. *Volodina*, упомянутое выше, § 91). Этот вывод применим в обстоятельствах настоящего дела, когда власти ни разу не рассмотрели, что можно и нужно сделать для защиты заявительницы от повторяющегося онлайн-насилия.

62. Обращаясь к тому, как российские власти проводили расследование сообщений заявителя, Суд повторяет, что, для того чтобы расследование было эффективным, оно должно быть быстрым и тщательным. Власти должны предпринять все разумные шаги для получения доказательств, касающихся инцидента, включая доказательства судебно-медицинской экспертизы. Особое усердие требуется при рассмотрении дел о домашнем насилии, и особый характер домашнего насилия должен приниматься во внимание при проведении домашнего разбирательства (см. *Volodina*, упомянутое выше, § 92).

63. Что касается расследования фальшивых профилей в социальных сетях и распространения интимных фотографий заявительницы, уголовное дело было возбуждено только 6 марта 2018 г., почти через два года после того, как заявительница впервые сообщила о фальшивых профилях в полицию 22 июня 2016 г. (см. пункты 7 и 9). До этого могло показаться, что

полиция стремилась поспешно уладить дело по формальным основаниям, ссылаясь на отсутствие территориальной юрисдикции или отсутствие правонарушения (см. пункты 7 и 8), вместо того, чтобы предпринять серьезную и искреннюю попытку установить обстоятельства, при которых г-н С. злонамеренно выдавал себя за другое лицо (заявительницу) в социальных сетях. Поскольку государства несут ответственность за задержки, связанные с поведением их судебных или других органов или структурными недостатками в его судебной системе, которые вызывают задержки (см. *Рутковский и другие против Польши*, № 72287/10 и 2 других, § 128, 7 июля 2015 г.), не имеет значения, была ли первоначальная двухлетняя задержка вызвана отсутствием четких правил юрисдикции для расследования онлайн-правонарушений или нежеланием отдельных сотрудников полиции заняться этим делом.

64. Власти пытались объяснить задержку тем фактом, что С. не был доступен для допроса. Это объяснение не убеждает Суд. Из обстоятельств первого дела *Volodina* очевидно, что еще в августе 2016 г. полиция в Самаре могла получить показания от С. в связи с другим правонарушением, совершенным против заявителя (см. *Volodina*, упомянутое выше, § 23). Если бы С. действительно пропал без вести, полиция могла бы использовать широкие полномочия, предоставленные ей в соответствии с Законом о полиции и Законом об оперативно-розыскной деятельности для поиска и задержания лиц, подозреваемых в совершении уголовных преступлений (см. *Шимоволос против России*, № 30194/09, § 33–38, 21 июня 2011 г.). В любом случае, независимо от того, был ли С. доступен для допроса или нет, полиции следовало действовать оперативно и добросовестно, чтобы получить судебно-медицинские доказательства предполагаемых правонарушений, включая идентификацию номеров телефонов и адресов в Интернете, которые использовались для создания поддельных анкет и загрузки фотографий заявительницы. Однако этого не произошло до тех пор, пока в 2018 г. не было возбуждено уголовное дело, что привело к потере времени и подорвало способность властей собирать доказательства, относящиеся к актам кибернасилия.

65. Нельзя сказать, что расследование, которое проводилось с 2018 г., было оперативным или достаточно тщательным. Властям потребовался почти год, чтобы получить информацию об интернет-адресах фейковых аккаунтов от российской компании, управляющей социальной сетью ВКонтакте; власти не отправляли в Instagram запросы на установление личности владельца фейковых аккаунтов. Допрос заявительницы и проверка поддельных страниц в Instagram состоялись в мае 2020 г., то есть через два года после ее жалобы. Власти установили лицо, номер телефона и адрес в Интернете, которые использовались для создания поддельных учетных записи в 2016 г., и владельца телефонного номера в Азербайджане, который использовался для создания двух поддельных учетных записей в 2018 г. Однако их связи и возможные связи с С. не расследовались. По личным фотографиям и личным данным заявительницы не установлено, каким образом это лицо могло появиться в Азербайджане.

66. «Доследственная проверка» других правонарушений, о которых заявительница сообщила в полицию, не привела к возбуждению уголовного дела. Что касается устройства слежения, обнаруженного в сумке заявительницы, процессуальное решение по ее жалобе было вынесено почти через три года после ее обращения в полицию (см. пункты 13 и 17). Следственные органы не связывались с ней по поводу жалобы, не задавали С. никаких вопросов об устройстве и не использовали технические средства для определения номера SIM-карты, установленной в устройстве, с использованием сетевой инфраструктуры поставщика услуг. Власти также не расследовали угрозы убийством, которые заявительница получила в Интернете и о которых сообщила в полицию в августе и сентябре 2019 г. (см. пункт 1). Не предприняв никаких следственных действий, полиция пришла к выводу, что правонарушения не было. Как Суд постановил в первом деле Володиной, полиция произвольно поднимала планку для доказательств, необходимых для возбуждения уголовного дела, утверждая, что угрозы смертью должны быть «реальными и конкретными», чтобы их можно было преследовать (см. *Володина*, упомянутое выше, § 98). Что особенно важно, власти не смогли взглянуть на ситуацию в глобальном масштабе, рассмотрев, можно ли считать, что эти инциденты так связаны по типу и контексту с физическими нападениями, о которых сообщил заявитель (см. *Володина*, упомянутое выше, § 31–36), чтобы обосновать вывод о том, что они составляли единый образ поведения (см. *Buturugã*, упомянутое выше, § 78).

67. В результате медленного расследования фальшивых профилей в социальных сетях судебное преследование в конечном счете истекло. Уголовное дело против С. было прекращено по истечении срока давности по его инициативе, хотя его причастность к созданию фальшивых профилей, по всей видимости, была установлена (см. пункт 20). Суд установил нарушения обязательства проводить эффективное расследование в случаях, когда судебное разбирательство продолжалось ненадлежащим образом или закончилось предписанием, позволяющим преступникам избежать ответственности (см. *Opuz*, упомянутое выше, § 151; *PM v. Bulgaria*, № 49669/07, § 64–66, 24 января 2012 г., и, в фактически аналогичной ситуации, *Барсова против России* [Комитет], № 20289/10, § 35–40, 22 октября 2019 г.). Принцип эффективности означает, что национальные власти ни в коем случае не должны быть готовы позволить лицу, причинившему физические или психологические страдания, остаться безнаказанным. Это важно для поддержания общественного доверия и поддержки верховенства закона, а также для предотвращения любых проявлений терпимости или сговора властей в отношении актов насилия (см. *Okkali v. Turkey*, № 52067/99, § 65, ЕСЧР 2006ХП (выдержки)). Не проводя разбирательства с должным усердием, российские власти несут ответственность за свою неспособность обеспечить привлечение к ответственности виновных в актах кибернасилия. Последовавшей за этим безнаказанности было достаточно, чтобы развеять сомнения в способности государственного аппарата оказывать сдерживающий эффект для защиты женщин от кибернасилия.

68. Таким образом, Суд считает, что, несмотря на то, что существующая система предоставила властям правовые инструменты для преследования актов кибернасилия, жертвой которых стала заявительница, то, как они на самом деле рассмотрели этот вопрос, в частности нежелание открывать уголовное дело и медленные темпы расследования, приведшие к безнаказанности преступника, выявили невыполнение своих позитивных обязательств по Статье 8 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение этого положения.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

69. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

70. Заявитель просил Суд определить соответствующую сумму компенсации морального вреда. Она потребовала 5 386,46 евро в качестве компенсации юридических, административных и почтовых расходов.

71. Власти утверждали, что требования о компенсации нематериального ущерба должны быть отклонены из-за того, что не указана требуемая сумма. Они также утверждали, что судебные издержки, связанные с угрозами смерти и инцидентом с устройством слежения, выпали из рассмотрения дела и не подлежат возмещению.

72. Поскольку моральный вред по своему характеру не поддается точному расчету, Суд согласился рассмотреть требования в отношении морального вреда, сумму которого заявители не определили количественно, оставив это на усмотрение Суда (см. *Nagmetov v. Russia* [GC], № 35589/08, § 72, 30 марта 2017 г.). Произведя собственную оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 7 500 евро в качестве компенсации нематериального ущерба плюс любые налоги, которые могут взиматься. Оплата должна быть произведена на основании новых документов, удостоверяющих личность заявительницы, которые были переданы Правительству при подаче уведомления о подаче заявления.

73. Суд также отмечает, что требование о возмещении судебных издержек и издержек было должным образом обосновано, разумно по размеру и относилось к вопросам, рассматриваемым в настоящей жалобе. Он присуждает истребуемую сумму в качестве компенсации судебных издержек и издержек, а также любые налоги, которые могут взиматься с заявительницы, на банковский счет представителя заявительницы.

74. Суд считает целесообразным, чтобы процентная ставка по умолчанию была основана на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта .

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет жалобу приемлемой;*
2. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 8 Конвенции;
3. *Постановляет*
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты вступления приговора в законную силу в соответствии с пунктом 2 Статьи 44 Конвенции следующие суммы:
 - (i) EUR 7,500 (семь тысяч пятьсот евро), которые должны быть конвертированы в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату расчета, плюс любые налоги, которые могут взиматься в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) EUR 5,386.46 (пять тысяч триста восемьдесят шесть евро 46 центов) плюс любые налоги, которые могут взиматься с заявителя, в отношении судебных издержек и расходов;
 - (b) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до момента выплаты простые проценты будут выплачиваться на вышеуказанные суммы по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода дефолта плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 14 сентября 2021 года в соответствии с Правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Milan Blaško
Секретарь

Paul Lemmens
Председатель Секции